

В. Диканеръ

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

Упрямый козелъ.

СКАЗКА.

Съ рисунками.

Цѣна 80 коп.

Москва.—1918.

Типографія ТЕОДОРЪ ДОРТМАНЪ,
Москва, Тверск., Газетн., 6. Тел. 106-45.

Из книг В. Диканской.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

М222

УПРЯМЫЙ КОЗЕЛЬ.

СКАЗКА.

Съ рисунками.

11-е изданіе редакціи журнала «ЮНАЯ РОССИЯ».
Москва, Б. Молчановка, домъ № 18.

МОСКВА.

Типографія Т. Дортманъ, Тверская, Газетный пер., д. 6.
1918 г.

Библиотека для чтения

Д. Н. Маман-Габриэля

УПРАВЛЕНИЕ КОЗЕВ

КНИЖКА

С. П. ДИКОМ

В. И. Маман-Габриэля
Москва, 1928 г.

1938/6

Научная библиотека
дома детской книги
издательства
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Упрямый козель.

СКАЗКА.

1.

Жилъ да поживалъ на свѣтѣ веселый столяръ. Такъ его и сосѣди называли „веселый столяръ“, потому что работалъ онъ всегда съ пѣснями. Работаетъ и поетъ.

— Хорошо ему пѣтъ, когда у него все есть, — говорили сосѣди съ завистью. — И своя избушка, и коровка, и лошадка, и огородъ, и куры и даже козель.

Дѣйствительно, у столяра все было; и своя избушка, и лошадка, и коровка, и куры, и старый упрямый козель. Жилъ онъ ни бѣдно, ни богато, а главное—все было свое. И самъ столяръ говорилъ:

— Слава Богу, все у меня есть!..

Завистливые сосѣди не хотѣли видѣть одного, — именно, что веселый столяръ все свое добро нажилъ самъ, своимъ трудомъ, постоянно работалъ, да еще помогала ему жена. Онъ стругаетъ и пилитъ свои доски, жена всякую домашнюю работу справляетъ: и обѣдъ приготовить, и починить, и сошьетъ, и съ огородомъ

управится, и за скотиной присмотрить. Однимъ словомъ, жили хорошо, и домъ былъ полной чашей. А гдѣ живутъ хозяева хорошо, тамъ и всѣмъ остальнымъ хорошо. Лошадь сытая, корова тоже; на крышѣ избушки ворковали голуси, подъ крышей ве-

село чирикали воробьи, по двору расхаживалъ осанистый пѣтухъ со своими курами; даже жившія подъ поломъ мыши и тѣ были сыты. Бывало, жена столяра даже заворчить:

— И что это, мышей у насъ сколько развелось? Овесь воруютъ у куръ, хлѣбъ тащить...

— Ну, что же, и пусть ихъ тащатъ! — успокаивалъ жену столяръ. — Гдѣ же имъ взять? У хлѣба не безъ крохъ... Жалованья они не получаютъ, работать не умѣютъ, а жить надо. У нихъ тоже есть и своя семейшка, и свои дѣтишки, — надо чѣмъ-нибудь кормиться. Ничего, насъ съ тобой не съѣдятъ... Наконецъ, у насъ есть котъ Васька.

Котъ сидѣлъ обыкновенно на печкѣ и дѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ. Онъ не любилъ пустыхъ разговоровъ. Скажите пожалуйста, съ какой стати онъ будетъ ловить мышей,

когда сытъ до отвала? Иногда онъ отправлялся въ амбаръ, ловить какого-нибудь несчастнаго мышонка, но не ѣлъ его, а приносилъ показать хозяйкѣ.

— Ай да, Вася, молодецъ! — хвалила его жена столѣра и давала коту молока.

Котъ напивался молока и дремалъ гдѣ нибудь въ тепломъ уголкѣ. Мышей онъ ловилъ только для собственнаго развлечения. Покажется скучно, ну, и сходить на охоту. Вообще, серіозный бытъ котъ Васька, и хозяйка очень его любила. Больше всего онъ гордился тѣмъ, что живетъ въ избѣ вмѣстѣ съ хозяйками и на дворъ выходитъ только погулять. Ни съ кѣмъ онъ не ссорился, не дрался и относился къ другимъ свысока. Напримѣръ, пѣтухъ и козелъ вѣчно ссорились, корили другъ друга и вступали въ драку.

— Развѣ такъ можно, господа? — ворчалъ котъ. — Вы совсѣмъ не умѣете себя держать.. Впрочемъ, что же я говорю съ вами: все равно, ничего не поймете!

— Знаемъ мы тебя стараго плута, — ругался пѣтухъ. — Только и знаешь, что лежать на солнышкѣ... Скажите пожалуйста, какой важный баринъ: лапку боится замочить. Однимъ словомъ, дрянъ!..

Котъ ничего не отвѣчалъ, а только презрительно щурилъ свои зеленые глаза да поводилъ усами.

Козелъ и пѣтухъ часто ссорились. Просто, возьмутъ и поссорятся не изъ-за чего.

— Эй, ты, дармоѣдъ! — кричалъ на весь дворъ забіяка пѣтухъ. — Не даромъ говорится, что отъ козла — ни шерсти, ни молока...

— Тоже расхвастался, работникъ! — сердился козелъ. — Только горло свое пѣтушиное дерешь да никому спать не даешь... Вотъ и вся твоя работа!

— Я не работникъ? А кто хозяина по уграмъ будить? Я!.. А кто за курами смотреть, чтобы не разбѣжались по чужимъ дворамъ? Все я же!.. А кто цыпляютъ молодыхъ отъ ястреба стережетъ? Да опять я же!.. Вездѣ я и о всѣхъ долженъ позаботиться!.. А ты только даромъ чужое сѣно ѣшь, старый упрямый козелъ...

— Чужое сѣно ѣмъ? Ахъ, ты, разбойникъ!.. Да я тебя на мелкія крошки, хвастуна, расшибу!

Козелъ наклонялъ голову, закрывалъ глаза и стремглавъ бросался на пѣтуха.

— Ой, убили! Батюшки, пѣтуха убили!.. — неистово оралъ пѣтухъ, удирая отъ разсвирѣпѣвшаго козла. — Караулъ!.. Живого пѣтуха проклятый козель убилъ!..

Всѣхъ поднималъ на ноги горланившій пѣтухъ. Кудохтали перепуганныя куры, трещали воробьи, лаялъ дворовый песъ Шарикъ, принимавшій горячее участіе въ дракѣ. Шарикъ гнался заразъ и за козломъ, и за пѣтухомъ и старался ухватить котораго-нибудь зубами. Столяръ хохоталъ до слезъ, глядя на эту суматоху. Обыкновенно дѣло кончалось тѣмъ, что пѣтухъ взлеталъ на заборъ, хлопалъ крыльями и оралъ во все горло:

— Наша взяла, уррра!.. Что, взялъ, проклятый козель? Гдѣ тебѣ драться со мной!.. Погоди, вотъ я тебѣ еще твои глупые глаза выцарапаю! Да, со мной братъ, шутки плохія!..

Старый упрямый козель обыкновенно чувствовалъ себя въ такія минуты очень скверно. Упрется рогами въ заборъ и старается его повалить. Тоже, вѣдь, совѣстно, что пѣтухъ такъ срамить его на всю улицу. Шарикъ изъ усердія лаялъ, какъ сумасшедшій, и тоже бросался на заборъ.

— Ахъ, козель, козель, какъ тебѣ не стыдно! — смѣялся столяръ. — Нехорошо, братъ, драться да еще съ птицей!.. Ахъ, козель, какъ тебѣ не стыдно!

— А ежели онъ хвастается? — угрюмо отвѣчалъ козель. — Я вотъ ему задамъ!

Подзадоренный козель отходилъ отъ забора на средину двора, разбѣгался и со всего разбѣга — хлопъ! — прямо лбомъ въ заборъ, только рога трещать. Это было уже совсѣмъ смѣшно, такъ что хихикали даже воробьи, прыгая по крышѣ. Степенно смѣялись голуби, качала головой лошадь, а пѣтухъ хохоталъ во все горло.

— Ну, еще разъ, козель!.. Ха-ха!.. Пожалѣй заборъ-то, глупая голова! Онъ не виноватъ, что ты глупъ.

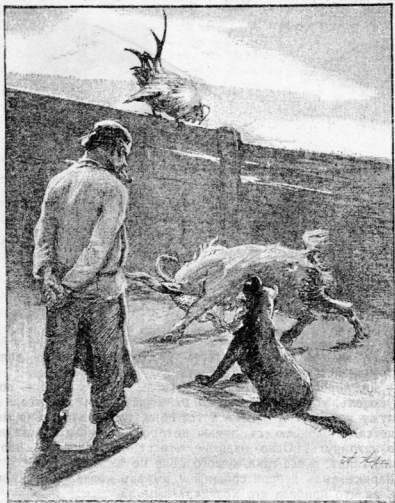
— Въ самомъ дѣлѣ, пожалѣй заборъ! — смѣялся столяръ. — Да и лобъ еще самому можетъ пригодиться!.. Ахъ, какой ты старый, упрямый козель!..

Козель послѣ такой драки долго не могъ успокоиться. Онъ вообще сердился подолгу: разсердится утромъ и весь день сердится, ляжетъ спать, — тоже сердится, проснется ночью, — еще немножко посердится. Такой ужъ сердитый уродился!.. Разъ, чтобы досадить пѣтуху, онъ, какъ-будто ненарочно, наступилъ на его любимую курицу. Вышелъ цѣлый скандалъ, и пѣтухъ побѣждалъ жаловаться на козла хозяину.

— Помилуйте, хозяинъ, этакъ козель всѣхъ моихъ куръ изуродуетъ.

— Ну, это, братъ, не мое дѣло! — отвѣчалъ столяръ. — Пусть
вась хозяйка разсудить, какъ знаетъ..

И жена столяра разсудила: взяла палку и пребольно побила
козла.

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, упрямая твоя башка... Не дави
куръ, не дави куръ!..

Козель даже взревѣлъ отъ боли, убѣжалъ въ огородъ и еще сильнѣе разсердился на проклятаго пѣтуха. Онъ долго не хотѣлъ идти обратно во дворъ, пока его не уговорилъ Шарикъ.

— Ну, будетъ тебѣ сердиться,—уговаривалъ Шарикъ, виляя хвостомъ.—Мы какъ-нибудь вмѣстѣ вздуемъ пѣтуха.

— Да, хорошо тебѣ говорить, а вѣдь бока-то мои... — ворчалъ козель, уставившись рогами въ землю.—Ужъ, кажется, я ли не служу хозяину? А что касается сѣна, такъ какое сѣно мнѣ достается? Подбираю съ земли, которое лошадь и корова все равно затопчутъ. Одно названіе, что сѣно... Положимъ, что я неприхотливъ, а все-таки чужого сѣна не ѣмъ.

Шарикъ былъ доброй собакой и жалѣлъ козла. Въ самомъ дѣлѣ, за что прибила его хозяйка?

— Знаешь, что я тебѣ скажу, козель,—говорилъ Шарикъ:—не стоитъ сердиться. Ты сдѣлай видъ, что будто ничего не замѣтилъ. И мнѣ вѣдь тоже иногда достается отъ хозяйки... А я терплю. Она только и любитъ, что своего кота Ваську, корову да куръ. Ничего съ ней не подѣлаешь...

— А я ее какъ-нибудь забодаю... вотъ и не подѣлаешь.

— Нѣтъ, это ужъ совсѣмъ не годится, козелъ. Надо терпѣть... Мало ли что случается въ семьѣ? Не каждое лыко въ строку...

Въ сущности, Шарикъ хитрилъ. Онъ больше всего любилъ чтобы въ домѣ все было въ порядкѣ. Для чего же тогда онъ Шарикъ, если всѣ будутъ ссориться и драться? Немножко—еще ничего, а только не постоянно.

— Ну, я ихъ помирилъ, — хвастался Шарикъ, подходя къ хозяйскому крыльцу. — Поссорились, и будетъ...

— Ты у меня молодецъ! — хвалилъ столяръ вѣрнаго пса.

— Ежели разобрать, такъ козелъ совсѣмъ добрый; только немножко упрямъ. Я ему такъ и сказала: не сердись, брось! Вообще, не стоитъ...

Столяръ любилъ выйти во дворъ и посидѣть на крылечкѣ. Сядетъ на лѣсенку, закуритъ трубочку и смотреть. А Шарикъ ужъ тутъ какъ тутъ: облизывается, хвостомъ виляегъ, лебезить.

— Ну, что, Шарикъ?

— А ничего... Все въ порядкѣ. День и ночь не сплю, твой домъ стерегу.

— Такъ, такъ... Молодецъ! Вѣдь ты у меня — умница...

— А то какъ же? Какой же порядокъ въ дому, ежели нѣтъ хорошей собаки? Это не то, что какой-нибудь дармоѣдъ, въ родѣ кота Васьки.

— А, не любишь? Ха-ха ха! Не забылъ, видно, васькиныхъ когтей?..

Отъ скуки Шарикъ иногда гонялъ жирнаго кота по двору, — не со злои, а такъ просто. Хозяйка куда-нибудь уидеть, покажется котъ на крылечкѣ, — ну, какъ его не погонять, толсто-мордаго? Правда, что Васька отчаянно защищался и два раза псебольно царапнулъ Шарика, но все-таки онъ его побаивался. Шарикъ завидовалъ Васькѣ, котораго каждый день поили молокомъ, а ему, Шарику, доставались одни объѣдки.

II.

Жиль-поживалъ веселый столяръ, распѣвалъ пѣсни, а черное горе подкралось къ нему невидимкой. . Захворала жена столяра, пролежала недѣлю, двѣ, да и отдала душу Богу. Горько плакалъ бѣдный столяръ, ходилъ по своей избушкѣ и все повторялъ:

— Какъ же я жить-то теперь булу? Ахъ, какъ я буду жить?

Пришли сосѣди, начали его утѣшать, и всѣ говорили:

— Чго же ты такъ убиваешься? Все у тебя, слава Богу, есть... Ничего, и одинъ какъ-нибудь проживешь.

— Все есть, а жены нѣтъ, — плакалъ столяръ. — Ахъ, какъ я жить буду?... Какъ я безъ жены?..

Плачетъ столяръ, разливается, и никто его утѣшить не можетъ. Похоронилъ потомъ жену, засѣлъ опять за работу, только ужъ не стало слышно веселыхъ пѣсень въ избушкѣ. Молча работалъ столяръ, а черное горе молча его глодало.

Трудно было жить столяру одному, и взялъ онъ себѣ одну бѣдную старуху, которая управлялась бы по хозяйству,—самому ему не успѣть вездѣ, а то хоть работу бросай! И пошло все вверхъ дномъ... И обѣдъ во-время не готовъ, и кушанье не такъ приготовлено, и скотина сидитъ голодная, и въ огородѣ ничего не родится.

— Дрянъ дѣло, — ворчалъ пѣтухъ, шелкая носомъ отъ голода. — Этакъ, пожалуй, и подохнуть можно...

Куры тоже ворчали и начали меньше класть яицъ.

Голодавшая корова сразу сбавила молока; лошади похудѣли, обросла голодной шерстью. — и всѣ роптали. Ничего не говорилъ одинъ козелъ, хоть и головаль вмѣстѣ съ другими. Чго же тутъ говорить? Была жива хозяйка въ дому, и всѣмъ было хорошо; не стало хозяйки, — ну, значить, нужно терпѣть.

Сосѣдки, которыя раньше завидовали веселому столяру, теперь говорили между собой:

— А мы думали, что онъ, столяръ, умный!.. Огородъ запустилъ, скотину заморилъ, въ дому никакого порядка нѣтъ... Какой же онъ умный столяръ?.

Самые добрые сосѣди нарочно приходили къ столяру, качали головами, жалѣли и говорили все это вслухъ:

— А мы думали, что ты умный...

Столяръ и самъ видѣлъ, что все у него идетъ изъ рукъ вонъ плохо,—не смотрѣлъ бы ни на что. Особенно тошно ему дѣлалось по вечерамъ... Началъ столяръ уходить вечерами изъ дому куда-нибудь къ сосѣдямъ. Все-таки на людяхъ какъ-будто и повеселѣе, т. е. даже и не веселѣе, а время какъ то незамѣтно проходитъ. Глядишь, вечера и нѣтъ. а тутъ, глядишь, и спать пора... Прежде столяръ работалъ по вечерамъ, а теперь работа лежала на полкѣ.

— Успѣю какъ-нибудь, — утѣшалъ онъ самого себя. — Работа не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдегъ.

Пошло плохо съ работой. Съ однимъ заказомъ не успѣлъ, другой упустилъ, третьяго не дали.. Сталъ думать столяръ такъ: «я то вѣдь тотъ же, а это другіе мнѣ нарочно дѣлаютъ. Позавидовали моему достатку... Ничего, справимся!» Началъ столяръ подозрѣвать другихъ, что это они виноваты.

Началь онъ даже на скотину сердиться. Почему корова молока не даетъ? Почему лошади не хотятъ возить по-прежнему? Почему куры перестали класть яйца?

„Да для чего онъ мнѣ всѣ?—подумалъ столяръ,—проживу и безъ нихъ, а то только хлопоты однѣ да неприятности“.

Кончилось тѣмъ, что столяръ вывелъ лошади и корову на базаръ и продалъ. Жаль было продавать, да нельзя, видно, миновать.

— Да онъ совсѣмъ глупый, столяръ-то, — заговорили сосѣдки. — И кто это сказалъ, что онъ умный?.. Все хозяйство зорить...

Сосѣди говорятъ свое, а столяръ думаетъ свое. Раньше было другое, и онъ былъ другой, а теперь ему ничего не нужно. Пусть идетъ все прахомъ: самъ наживалъ, самъ и проживаетъ.

Безъ лошади и коровы всѣмъ пришлось плохо. Бывало, отъ лошади и куры покормятся, и мышъ стащить малую толику, и козлу достаются объѣдки. Тоже и съ коровой. Пѣтухъ началъ жаловаться громко:

— Житья совсѣмъ не стало... А нашъ хозяинъ дуракъ!..

Голуби тоже ворчали: ходять-ходятъ по двору, хоть бы одно зернышко гдѣ заваялось. Ворчали и воробы:

— Какой же онъ хозяинъ, если воробья накормить нечѣмъ? Онъ насъ доведетъ до того, что мы уйдемъ къ другому хозяину... Пусть остается одинъ и живетъ, какъ знаетъ.

— И мы тоже уйдемъ,—пищали мыши.—Недохнуть же намъ съ голоду!.. Конечно, жаль его одного оставлять, да ничего не подѣлаешь.

Однимъ словомъ, поднялся настоящій бунтъ. Всѣ были недовольны. Молчалъ только одинъ упрямый козель. Правда, онъ на половину наѣдался въ полѣ, а другую половину добывалъ по сосѣдямъ. Иногда ему крѣпко доставалось за это: часто его били; но козель былъ терпѣливъ и только удивлялся, какъ это не поймутъ, что онъ хочетъ ѣсть. Гдѣ сѣнца стащить, гдѣ клокъ соломы, а гдѣ и палки отвѣдаетъ. За всѣмъ не угоняешься...

— Вотъ озорникъ!..—ругали козла сосѣди.—Въ хозяйла пошелъ; такой же забулдыга...

А столяръ все видѣлъ и слышалъ, и ничего не говорилъ. Что же подѣлаешь, пусть уходятъ всѣ... Было время, всѣ были и сыты, и довольны, а теперь голодной мышѣ негдѣ поѣсть. Видитъ столяръ, какъ воробы разлетѣлись по сосѣдямъ, —не-терпѣливый нагол! Видѣлъ, какъ за ними ушли голуби. Последними тронулись мыши. Одна старая мышъ даже подошла къ окну, покачала головой и сказала на прощанье:

— Ахъ, не хорошо, хозяинъ!.. Да, не хорошо... А все ты виноватъ... Мы думали, что ты умный.

— Уходите, уходите!—говорилъ столяръ.—Ничего я подѣлать не могу.

— Мы бы, пожалуй, и остались,—говорила мышъ,—да не стало житья отъ проклятаго кота Васьки... Раньше-то онъ не беспокоилъ насъ, а нынче не выходитъ изъ амбара. Если бы жива была хозяйка, да была корова, да поили каждый день Ваську молокомъ... Ахъ, хозяинъ, хозяинъ, вотъ какъ не хорошо!..

Коть Васька, дѣйствительно, здорово голодалъ. Сидить-сидить на печкѣ и промяукаетъ:

— Молочка бы Васѣ... ахъ, молочка!...

— Вотъ я тебѣ задамъ такого молочка, что ты у меня узнаешь!..—ругалась старуха,—ишь, нѣженка! Ступай, лови мышей, твое ремесло...

Похудѣлъ Васька съ горя, шерсть вылѣзла, глаза начали слезиться,—однимъ словомъ, былъ хорошій котъ, а теперь сдѣлался дряннымъ. Выйдетъ во дворъ и мяукаетъ:

— Нѣтъ хозяйки, нѣтъ молочка...

Приунылъ и Шарикъ и больше не гонялся за котомъ. Не до того, когда у самого животъ подвело съ голоду. А хозяинъ точно не видитъ ничего... Тоже хорошъ! Раньше по вечерамъ въ сосѣди уходилъ, а теперь началъ съ утра пропадать. Домой приходилъ только ночевать. Разъ пришелъ столяръ только утромъ и совсѣмъ пьяный. Присѣлъ на крылечко и заплакалъ.

— Тошно мнѣ!.. скучно...

Пожалѣлъ хозяина Шарикъ, подошелъ къ нему, приласкался.

— Ахъ, это ты, Шарикъ!

Обнялъ столяръ Шарика и еще больше заплакалъ.

— Тошно мнѣ, Шарикъ!.. Не стало хозяйки, и ничего не стало. Домъ совсѣмъ пустой стоитъ... Ахъ, не хорошо!.. А вѣдь все было, Шарикъ!.. Домъ стоялъ, какъ полная чаша.

Чго могъ сказать Шарикъ! Онъ только повилъ своимъ пушистымъ хвостомъ, лизнулъ хозяйскую руку и взвизгнулъ.

— Тоска меня съѣла, Шарикъ... ничего мнѣ не нужно, ничего не жаль, работа изъ рукъ валится.

Подошли къ крылечку козелъ и пѣтухъ. Козелъ улегся на ступенькѣ, а пѣтухъ всталъ на одну ногу и слушалъ.

— А, это вы!..—удивился столяръ.—Отчего вы не убѣжали?

— Вотъ то же придумалъ!—разсердился козелъ, мотая головой.—Куда это мы пойдѣмъ? Я не согласенъ...

— Гдѣ твои куры?—спрашивалъ столяръ пѣтуха.

— Съ голоду разбѣжались по сосѣдямъ, хозяинъ,—отвѣчалъ пѣтухъ, переступая на другую ногу.—Чю же имъ было тутъ дѣлать? Даже мыши—и тѣ ушли...

— И вы уходите, всѣ уходите, никого мнѣ не нужно!—говорилъ столяръ, закрывая лицо руками.—Кончено все!..

— Ну, это мы еще посмотримъ...—отвѣтилъ пѣтухъ.—Ты знаешь, что я шутить не люблю.—Куда мы пойдѣмъ?

— Я тоже не согласенъ...—подтвердилъ козелъ.

III.

Дѣла у столяра шли хуже и хуже. Онъ самъ видѣлъ, что плохо, и ничего не могъ подѣлать. Раньше онъ уходилъ изъ дому по вечерамъ, а теперь началъ пропадать по цѣлымъ днямъ. Тяжело было возвращаться въ пустой домъ. Чтобы не покупать дровъ, столяръ сначала сжегъ амбаръ, потомъ конюшню, потомъ ворота, потомъ заборъ кругомъ двора. Избушка теперь стояла на пустырѣ.

— Чго же, я могу жить подъ крыльцомъ,—говорилъ козель,—Шарикъ, ты немного потѣснишься, а вдвоемъ намъ будетъ теплѣе.

Шарикъ не спорилъ. Отчего же и не потѣсниться для друга?.. Пѣтухъ устроился подъ крышей и тоже не унывалъ. Что же, можно жить, если бы хозяинъ еще давалъ каждый день хоть одну горсточку овса. Иногда вечеромъ всѣ собирались около крыльца и разсуждали о своихъ дѣлахъ.

— Нѣтъ ничего лучше молочка,—говорилъ котъ Васька, усаживаясь на крылечкѣ.

— Чго молочко, а вотъ если бы, напримѣръ, овесъ или крупа, это будетъ лучше,—спорилъ пѣтухъ.

— Пустяки вы говорите всѣ,—увѣрялъ Шарикъ:—ужь егли что, дѣйствительно, хорошо, такъ это косточки... Сколько я на своемъ вѣку съѣлъ костей, и знаю толкъ въ їдѣ! Да..

— Хорошо и сѣнца пожевать...—вставилъ свое слово козель.—Когда лошадь да корова были, такъ я до отвалу наѣдался. Бывало, ночью встанешь и їшь... Вы глупы и не знаете толку въ хорошемъ сѣнѣ.

Раньше они любили поговорить о своемъ хозяинѣ и часто его бранили, а теперь нечего было даже и говорить. Когда онъ появлялся домой, каждый старался не попадаться ему на глаза. Приходилъ столяръ обыкновенно сердитый, и лучше было съ нимъ не встрѣчаться. Утромъ проснется, съ похмелья—еще сердитѣе. Разъ чуть не переломалъ ноги Шарику камнемъ, такъ что вѣрный песъ озлился и оскалилъ зубы.

— Да ты, кажется, съ ума сошелъ! — ворчалъ Шарикъ, поджавъ хвостъ.—Этакъ можно и ссвѣмъ убить...

— А ты у меня поговори!.. Охъ, не смотрѣлъ бы я на васъ! Безъ васъ тошно...

— Самъ виноватъ... Зачѣмъ не работаешь? Зачѣмъ пьянстауешь?

— Ты меня учить? Да я тебя разорву... Безъ васъ знаю, что дѣлать.

Чтобы доказать свою правоту, столяръ схватилъ палку и запустилъ ею въ Шарика. Бѣдная собака едва успѣла унести ноги.

— Я вамъ покажу, какой я человѣкъ! — вскричалъ столяръ. — Ну, пью, ну, не работаю и никого знать не хочу.

Онъ ходилъ по своему пустырю, бранился и кому-то грозилъ кулакомъ. Въдь всѣ были виноваты, а онъ правъ. И онъ, столяръ, умнѣе всѣхъ.

Въ другой разъ, проснувшись утромъ съ больной головой, столяръ услышалъ, какъ пѣтухъ пропѣлъ свое «кукареку». Это показалось столяру обиднымъ: у него голова трещитъ, а онъ горло деретъ, какъ сумасшедшій... И для чего, подумаешь, надрывается глупая птица? Потомъ у столяра мелькнула въ головѣ счастливая мысль. Онъ разыскалъ сухую корочку, разломалъ ее въ крошки и вышелъ на крыльцо. Пѣтухъ ходилъ по пустырю.

— Здравствуй, хозяинъ!.. Корр...

— Здравствуй, Петя! Хочешь хлѣбца поклевать?... Да ну же, иди сюда.

Пѣтухъ склонилъ голову на-бокъ, посмотрѣлъ на брошенные крошки, посмотрѣлъ на хозяина и отвѣтилъ:

— Эге, ты за кого это меня считаешь, хозяинъ? Я еще не настолько глупъ, чтобы изъ за нѣсколькихъ крошекъ попастьъ тебѣ на жаркое... Шалишь, братъ!...

— Да ты иди, Петька... Ну, ну, иди же, — говорятъ тебѣ! Потолкуемъ...

— А ты меня съѣшь?

— Не съѣмъ...

— Нѣтъ, съѣшь.

— Ну, если ты не хочешь идти, такъ я къ тебѣ самъ подойду...

Столяръ разсердился на глупаго пѣтуха и, схвативъ камень, бросился за нимъ. Пѣтухъ страшно перепугался, распустилъ крылья и заоралъ благимъ матомъ:

— Ой, батюшки, убили... живого пѣтуха убили! Карауль... Батюшки, батюшки!

Долго гонялся столяръ за пѣтухомъ, бросалъ въ него камнями и ничего не могъ подѣлать. Живое жаркое увертывалось у него изъ-подъ носу самымъ обиднымъ образомъ... Пѣтухъ спасся только тѣмъ, что бѣгалъ кругомъ избушки и ловко скрывался. И козель, и Шарикъ видѣли все это, но не гнались за пѣтухомъ, какъ бывало раньше при домашнихъ ссорахъ. Теперь было другое. Наконецъ столяръ выбился изъ силъ, присѣлъ на крылечко и, схватившись руками за голову, горько заплакалъ. Обиженный до глубины души, пѣтухъ отошелъ и ждалъ, что будетъ дальше.

— Если бы у меня была конюшня, я загналъ бы пѣтуха въ нее, и тамъ-то ужъ онъ не ушелъ бы отъ меня, — плакался

1938/6

Научная библиотека
доп. д-т. и-н. книги
издательства
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

столяръ, качая головой. — Ахъ, я несчастный!.. Пѣтухъ и тотъ не слушается меня.

— А ты попробуй съѣсть Шарика, — крикнулъ пѣтухъ издали, оправляя смявшяся перья. — То же, придумалъ... Вѣдь, всего и птицы осталось, что я одинъ. Вотъ воробьи и голуби давно разлетѣлись по сосѣдямъ, а я остался. Жаль мнѣ тебя, хозяинъ... Старого добра не помнишь. Видно, забылъ, сколько лѣтъ я тебѣ служилъ вѣрой и правдой.

Козель стоялъ посреди пустыря, уставившись глазами въ землю, и молча сердился на хозяина. Давно ли попрекалъ его за драки съ пѣтухомъ, а самъ-то что дѣлаетъ? Тоже хорошо, нечего сказать...

„Вотъ сиди теперь одинъ, — думаетъ козель. — А я и не пойду... Ни за что не пойду!.. Сегодня послѣдняго пѣгуха съѣлъ бы, а завтра... И думать противно“.

Пожалѣлъ хозяина одинъ Шарикъ. Вѣрный песъ не помнилъ зла. Онъ обошелъ крыльцо кругомъ, остановился передъ хозяиномъ и ласково вильнулъ хвостомъ.

— Будетъ тебѣ плакать, хозяинъ... Не хорошо.

— Кто это говоритъ? Ахъ, это ты, Шарикъ...

Шарикъ прыгнувъ къ хозяину и припалъ головой къ нему на колѣни. Столяръ взялъ его за шею и обнялъ. А у самого слезы такъ и капаютъ на умную собачью морду.

— Ахъ, Шарикъ, Шарикъ!.. Одинъ ты у меня другъ остался. Да, одинъ... Помнишь, какъ мы поживали да добро наживали?

— Оглично помню, хозяинъ... Все у насъ было. Однѣхъ костей сколько мнѣ доставалось. А теперь забылъ, чѣмъ кости и пахнутъ...

— У тебя кости на умѣ, Шарикъ, а у меня вся душа изболѣлась... Я самъ себя начинаю ненавидѣть. И лѣнтяй, и пьяница... Добрые люди отъ меня начинаютъ сторониться. Не такой вѣдь я былъ раньше то... Тоска меня заѣла.

Жаль стало Шарика хозяина, и онъ только слабо взвизгивалъ, помахивая своимъ пушистымъ хвостомъ.

— Скучно мнѣ, тошно... — повторялъ столяръ, обнимая собаку. — Точно все у меня порвалось внутри, и самъ я чужой себѣ...

IV.

Плохо жилъ столяръ, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Хотѣлъ даже послѣднюю свою избушку продать и какъ-то вечеромъ привелъ покупателя. Ходятъ вдвоемъ, осматриваютъ избушку, покупатель въ стѣну постукиваетъ, — не сгнили ли бревна.

— Да ужъ отличная избушка, — увѣрялъ столяръ. — Не на продажу строилась.

Покупатель не вѣрилъ чужимъ словамъ, а только своимъ глазамъ. Осмотрѣвъ избу, онъ полѣзъ подъ крыльцо: нѣтъ ли, молъ, тамъ какого изъяна... А подъ крыльцомъ лежалъ козелъ. Какъ увидѣлъ онъ чужого человѣка, поднялся и сейчасъ его на рога, — такъ ударилъ, что чуть глазъ не вышибъ.

— Это у тебя что за генераль такой лежитъ? ругался покупатель, выйдя изъ-подъ крыльца. — Чуть не убилъ до смерти, проклятый...

Столяръ разсердился и прицался гнать козла. Но это было не такъ-то легко сдѣлать: уперся козелъ, и дѣлу конецъ! Не пустилъ подъ крыльцо даже хозяина.

— Не глядѣвши, не могу покупать, — заявилъ покупатель.

— Да вѣдь что же я подѣлаю съ нимъ, съ упрямымъ чортомъ?

— Дѣло твое...

Слово за слово, столяръ и покупатель заспорили, разгорячились и чуть не подрались. На шумъ соѣжались сосѣди и едва ихъ роняли.

— Ты самъ козелъ, — ругалъ столяра покупатель. — Вамъ вмѣстѣ жить подъ крыльцомъ надо...

Такъ продажа и не состоялась, а столяръ окончательно разсердился на стараго упрямаго козла. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ живетъ зря, т.-е. козелъ? Пѣтуха хоть зажарить можно. Шарикъ домъ стережетъ, котъ Васька мышей ловитъ, а эготъ ужъ совсѣмъ ни къ чему.

Чѣмъ больше думалъ столяръ, тѣмъ больше убѣждался, что козелъ совершенно ему не нуженъ и даже какъ-будто мѣшаетъ. Развѣ нельзя прожить безъ козла? А потомъ столяръ все сильнѣе сердился на него, потому что козелъ помѣшалъ продать избушку.

— Этакая проклятая тварь навязалась! — бранился столяръ, припоминая съ ссору съ покупателемъ. — Онъ и меня на рога чуть не поддѣлъ... погоди, братъ, я тебѣ удружу! Будешь меня помнить, упрямая скотина...

Сказано — сдѣлано. Поймалъ столяръ козла за рога, накинулъ на шею веревку и повелъ продавать. Какъ ни упирался

козелъ, какъ ни брыкался, а ничего не могъ подѣлать, особенно, когда столяръ начали помогать сосѣди: кто х-оростиной, кто палкой погоняетъ сзади. У сосѣдей были старые счеты съ козломъ; кого лягнулъ, кого боднулъ, у кого стѣна клокъ стащилъ, у кого капусту въ огородѣ съѣлъ. Всѣ рады, что избавятся, наконецъ, отъ козла. Туда ему и дорога...

— Тащи его! — кричали сосѣди, подстегивая упировавшегося козла. — Не даромъ говорится, что отъ козла — ни шерсти, ни молока.. да и намъ покойнѣе. Въ прошломъ году теткѣ Матренѣ два зуба вышибъ...

Никто не прибавилъ, что тетка Матрена три раза обливала козла кипяткомъ. Впрочемъ, козелъ уже давно привыкъ къ несправедливости и не обращалъ вниманія на неблагодарныхъ сосѣдей. Гонять его, и сами не понимаютъ, что бываютъ козлы гораздо хуже. Да, совсѣмъ скверные козлы.

Вывелъ столяръ козла на рынокъ и простоялъ цѣлый день. Никому не нужно козла.. Еще обиднѣе сдѣлалось столярю: какая же это скотина, которой никому даромъ не нужно? Въ сердцахъ столяръ нѣсколько разъ пребольно пнулъ ногой козла прямо въ бокъ.

— Изъ-за тебя только цѣлый день потерять...

— А я съ тобой и разговаривать-то не желаю!..

— Хорошо, погоди, я тебѣ и не такъ удружу...

Когда всѣ покупатели разошлись съ рынка, столяръ повелъ козла къ знакомому купцу. Привелъ на дворъ и давай расхваливать.

— Благодарить будете, ваше степенство, потому что это не козелъ, а кладъ. Ужъ сколько онъ уменъ да догадливъ... Ну-ка Вася, тряхни бородкой! Ужъ другого такого козла днемъ съ огнемъ не сыскать.

— Нахваливай пуще... — ворчалъ козелъ, мотая бородой, — только смотри, не подавись отъ вранья...

— И смысленный какой... — нахваливалъ столяръ. — Его и кормить совсѣмъ не надо: самъ себѣ пропитанье добудетъ.

— Ну, это ты ужъ совсѣмъ напрасно, — разсердился козелъ — Хоть одинъ разъ закусить хорошенько... Давненько я не ѣлъ по настоящему.

Понравился упрямый козелъ купцу. Какъ разъ ему воть такого и нужно. Да и ребятишкамъ забава... Ударилъ по рукамъ, и сто-

ляръ получилъ за козла цѣлыхъ три рубля. Давно у него не было въ рукахъ такихъ денегъ, и съ радости столяръ напился пьяный.

Просыпается утромъ на другой день, а котъ Васька съ пчки ему мяукаетъ:

— Дяденька, а козель-то опять у насъ. Прибѣжалъ съ веревкой на шеѣ...

— Ну, это его дѣло, а я его больше не знаю...

Пришелъ отъ купца дворникъ съ кучеромъ, и вытащили козла за рога, зацѣпили веревкой и потащили къ новому хозяину, только бока трещать.

— Чего ты упираешься-то, — удивился столяръ. — Тамъ, по крайней мѣрѣ, съѣ будешь...

— Ну, это мое дѣло, — отвѣтилъ сердито козель. — Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше того...

Прошло два дня, и козель опять вернулся домой. Пришли за нимъ два дворника и два кучера и принялись бить. Даже столяру сдѣлалось жалко упрямую скотину.

— Ну, перестань, не упрямься, — уговаривалъ онъ козла.

Посмотрѣлъ на него козель исподлобья, нахмурился и проговорилъ только всего:

— Ахъ, ты, безстыдникъ!..

Задумался столяръ. Мудреный козель: не хочетъ жить у купца, гдѣ сладко поятъ и кормятъ, а рвется домой, въ избушку, гдѣ хоть шаромъ покати, голодной мыши нечѣмъ накормить. Потомъ сдѣлалось столяру совсѣмъ совѣстно... А козель опять пришелъ. Идетъ по улицѣ и прихрамываетъ. Даже сосѣди и тѣ пожалѣли: — „Ахъ, бѣдный козликъ“!.. Забился козель подъ свое крыльцо и лежитъ — туча-тучей. Добылъ столяръ немного хлѣба и снесъ козлу.

— На вотъ, покушай, упрямая башка...

Козель даже не шевельнулся. И на хлѣбъ не смотритъ... Еще совѣстнѣе сдѣлалось столяру. Вѣдь, вотъ скотина, безсловесная тварь, а своего угла ни за что не желаетъ мѣнять. И котъ Васька тоже, и пѣтухъ, и Шарикъ... Отправился столяръ къ купцу и говорить:

— Ваше степенство, какъ же мы относительно козлика? Онъ опять прибѣжалъ ко мнѣ...

— Ты меня обманулъ, — говорилъ купецъ: — продавалъ козла за умнаго, а онъ хуже чорта. Вонъ кучера да дворники со-

всѣмъ замаялись съ нимъ. Всѣ руки, говорятъ, отколотили о проклятаго козла, совсѣмъ глупый козелъ...

— Нѣтъ, ваше степенство, совсѣмъ даже не глупый онъ... Да.. Поумнѣе будетъ дурака-то хозяина, потому какъ онъ свой домъ знаетъ. Уступите его мнѣ обратно, а деньги я вамъ отработаю.

— Да бери хоть даромъ. Все равно не будетъ у меня жить...

— Нѣтъ ужъ, зачѣмъ даромъ. Это не хорошо..

Вернулся столяръ домой такой веселый. Давно его такимъ не видали. Помолился Богу и принялся за свою работу. Опять засвистѣла пила, полетѣли стружки... Опять сосѣди услышали, какъ поетъ столяръ, работаетъ и поетъ.

— Ну, теперь все у насъ пойдетъ хорошо,—говорилъ Шарикъ:—хозяинъ поетъ, значить, оѣда прошла...

Вылезъ изъ-подъ крыльца козелъ, посмотрѣлъ кругомъ, мотнулъ бородой и сказалъ:

— Кабы не я, такъ всѣ бы вы пропали тутъ...

Черезъ годъ около избушки появился и новый заборъ, и новыя ворота, и новый сарай. Прилетѣли голуби, зачирикали воробьи, крнулась старая мышь со всѣмъ семействомъ.

— Эго онъ для насъ, для мышей, выстроилъ,—увѣряла мышь, осматривая сарай.—Ничего, какъ-нибудь помѣстимся... Вѣдь я ему говорила тогда, что не проживетъ онъ безъ насъ.

РОБИНЗОНЪ КРУЗО. Переработано Е. Н. Тихомировой.

ТЕРПѢНІЕ и ТРУДЪ ВСЕ ПЕРЕТРУТЪ. Первый

сборникъ для внѣкласснаго коллективнаго чтенія.

Составила Е. Н. Тихомирова.

Продолжается подписка на 1918 г.

НА ЖУРНАЛЫ:

„ЮНАЯ РОССІЯ“,

ежемесячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

Пятидесятый годъ изданія.

12 книжекъ научно-популярнаго и литературнаго журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ картинъ и портретовъ замѣчательныхъ людей;

и книжекъ приложеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 15 р., на полгода 8 р., на три мѣсяца 5 р.; отдѣльный номеръ 1 р. 50 к. съ пересылкою.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ“,

журналъ для учителей и воспитателей.

Пятидесятый годъ изданія.

12 книжекъ въ годъ. Журналъ слѣдитъ за развитіемъ прогрессивно-педагогической и рациональных методовъ преподаванія, главное жезаніе въ настоящее время удѣляетъ вопросамъ о созданіи народной школы, соответственной новому общественному о жизни и вопросамъ объ организациіи русскаго учительства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 6 р., на полгода 3 р.;

* отдѣльный номеръ 80 к. съ пересылкою.

Редакторъ-издательница Е. Н. ТИХОМИРОВА.

ЕСТЬ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

===== КАТАЛОГЪ =====

книгоиздательства Е. Н. Тихомировой высылается

===== Б Е З П Л А Т Н О . =====

1

= 30

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Е. Н. ТИХОМИРОВОЙ.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

КНИЖНЫЕ СКЛАДЫ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. **Москва, Большая Молчановка, д. № 18.**
  2. **Москва, Воздвиженка, д. № 4, Книжный Складъ
Т-ва „Кооперативное Издательство“.**
-

**Представительство по продажѣ изданій Е. Н. ТИХО-
МИРОВОЙ кооперативнымъ объединеніямъ всей Россіи
предоставлено Т-ву „Кооперативное Издательство“,
(Москва, Воздвиженка, д. № 4).**